

© 2019 г.

А.Н. НЫСАНБАЕВ, Е.Е. БУРОВА, А. САЙЛАУБЕКҚЫЗЫ

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

НЫСАНБАЕВ Абдумалик Нысанбаевич – академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор, советник директора Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; БУРОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник того же института (bee1958@bk.ru); САЙЛАУБЕКҚЫЗЫ Алия – сотрудник того же института, докторант PhD Казахского национального университета им. аль-Фараби (kzsaia@gmail.com). Все – Алматы, Казахстан.

Аннотация. Последние три десятилетия ознаменовались диверсификацией казахстанского общества. Заметные сдвиги, произошедшие в экономическом укладе и политической организации, повлекли за собой трансформацию социально-профессиональной структуры и увеличение разнообразия сфер занятости, повлияли на процессы внешней и внутренней миграции, привели к изменению ценностно-смыслового контекста жизни и сделали актуальной потребность в консолидирующей идеологии. Все это не могло не сказаться на социальных представлениях казахстанцев и их идентичностях – государственно-гражданской, языковой, религиозной и т.д. Опираясь на данные мониторинга Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, охватывающего период с 2013 по 2018 г., авторы постарались выявить основные тенденции и векторы в развитии идентификационных процессов среди жителей республики.

Ключевые слова: казахстанская идентичность • казахстанская нация • языковая идентичность • религиозная идентичность • религиозность • светскость

DOI: 10.31857/S013216250005791-3

Постановка исследовательской задачи. За годы независимости (провозглашена в 1991 г.) в Казахстане трансформировались практически все институты, что, в свою очередь, актуализировало потребность в формировании многомерной идентичности на социальном, групповом и личностном уровнях. Синхронизация становления казахской (как этнокультурной и государствообразующей) и казахстанской (как поликультурной, надэтнической, гражданской) наций, билингвизм языковой сферы с перспективой перехода к триединству языков (казахского, русского, английского), разнонаправленные и противоречивые процессы в религиозной сфере – попытки научно осмыслить и концептуализировать все эти изменения не раз предпринимались в рамках различных дисциплинарных направлений (исторического, культурологического, политологического [Кадыржанов, 2014], социально-философского [Шайкемелев, 2013], глобально-цивилизационного [Казахстан

в глобальном мире..., 2011]) и междисциплинарных подходов [Содержание и мобилизирующий потенциал..., 2008; Шаукенова, Дунаев, 2013], однако задача комплексного, а не ситуативного изучения современного казахстанского общества до сих пор остается нерешенной. Как следствие, у участников научного, публицистического, политического и др. дискурсов отсутствует единая или хотя бы согласованная система представлений относительно векторов и смыслов идентификационных процессов, охватывающих все население республики и оказывающих существенное воздействие на формирование новейшей ментальности и дальнейшую трансформацию типа государственности.

Проблема выявления специфики различных видов идентичностей казахстанцев в условиях поликультурного общества стоит сегодня особенно остро. Опираясь на данные исследований, проведенных Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИФПР КН МОН РК) в 2013–2018 гг., мы постараемся определить преимущественные векторы идентификационных процессов в казахстанском обществе, проследить их динамику за последние несколько лет, продемонстрировать многомерность и неоднозначность происходящих изменений. При решении указанных задач наибольшее внимание будет уделено: 1) особенностям восприятия общественным сознанием концепта казахской/казахстанской нации; 2) выяснению ареала функционирования основных языков Казахстана – казахского и русского; 3) соотношению светскости/религиозности в мировоззренческих установках жителей республики.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили данные массовых опросов населения республики, проводившихся ИФПР КН МОН РК в сотрудничестве с общественным объединением «Научно-исследовательская ассоциация “Институт демократии”» (Нур-Султан, ранее – Астана) и Центром бизнес информации, социологических и маркетинговых исследований «BISAM – Central Asia» (Алматы) в августе 2013 г., сентябре 2014 г., августе 2015 г., июле 2016 г. и августе 2018 г., а также данные экспертного опроса 2016 г.

Выборка всех массовых опросов репрезентирует взрослое (старше 18 лет) население Казахстана по важнейшим социально-демографическим группам с учетом признаков пола, возраста, этнической принадлежности, образования, социально-профессионального статуса, уровня дохода, принадлежности к поселенческой структуре, вероисповедания и др. Всего методом личного формализованного интервью на квартире респондента с применением бумажных анкет (техника PAPI) было опрошено 1500 чел. в 2013 г., 2000 – в 2014 г., по 2500 – в 2015 и 2016 гг. и 3500 – в 2018 г. Исследование охватывает 14 регионов страны, а также города Нур-Султан и Алматы.

Опрос экспертов ($N = 30$ чел.), которых мы попросили поделиться своим видением будущего Казахстана в качестве религиозного или светского государства, проводился методами нарративного и фокусированного интервью. Эксперты отбирались по всей стране из числа сотрудников местных государственных органов, преподавателей религиоведения в вузах, лидеров политических партий, общественных объединений, неправительственных и религиозных организаций.

Культурно-цивилизационное измерение казахстанской идентичности. Согласно данным опросов, в культурно-цивилизационном отношении большинство жителей республики считают себя «азиатами» (50,9%). Наиболее сильно *азиатская идентичность* выражена у казахов (73,3 против 42,2% у представителей иных этнических групп) и респондентов в возрасте от 18 до 60 лет (50,9–55%).

Совокупная доля носителей европейской, евразийской и глобальной («граждане мира», «космополиты») идентичностей составила 43%. В этническом разрезе к «европейцам» относят себя, прежде всего, русские (41,7%), а в возрастном – респонденты старше 61 года (22,9%). Среди нерусских европейцами полагают себя лишь 17%, а среди представителей среднего поколения (30–60 лет) – 14,65%. «Гражданами мира» видит себя преимущественно молодежь (18–29 лет) – 21%. Больше всего приверженцев глобальной идентичности среди русских (23,7%), меньше всего – среди казахов (13,2%). На долю

«космополитов» иных национальностей приходится 18,8%. Евразийская идентичность в наименьшей степени свойственна казахам – 7,4%. Доля ее приверженцев среди русских и представителей иных этнических групп почти вдвое больше – 16,2 и 15,6% соответственно.

«Казахстанская нация» как базовый концепт казахстанской государственно-гражданской идентичности. Подавляющее большинство населения Казахстана (94,8%) в той или иной степени чувствует свою принадлежность к казахстанскому обществу: почти 2/3 казахстанцев однозначно считают себя его частью, 1/5 – ощущают себя таковыми «в какой-то мере». Тех, кто не готов признать себя его частью, оказалось всего 3,4%, затруднились с ответом – 1,9%.

Вместе с тем отмеченное единодушие казахстанцев в плане восприятия себя частью казахстанского общества не распространяется на их понимание содержательного смысла концепта «казахстанская нация». Примерно равное количество опрошенных, чуть более четверти, подразумевают под этим понятием «жителей современного Казахстана» (28,7%) и «сообщество граждан разных народов и национальностей, объединенных общей историей и культурой» (28,2%). Стоит особо отметить, что в этническом разрезе выборы в пользу данных трактовок синхронизированы и в зависимости от этнической принадлежности составляют 26,2–32,7 и 26,5–31,1% соответственно.

Чуть менее четверти склонны приравнивать данный концепт к понятию «казахская нация» – 24,3%. Чаще всего сторонниками подобного отождествления оказываются казахи – 31,9%; русских и представителей иных этнических групп среди них значительно меньше – 13,4 и 12,3% соответственно. Примерно 14% трактуют казахстанскую нацию как «согражданство различных этнических групп», а 1,4% – как «вынужденное (со)жительство людей различных национальностей». Каких-либо значимых различий в ответах в зависимости от возраста опрошиваемых нами выявлено не было.

Иерархия идентичностей, основанных на общественном и личном статусах.

При проведении опросов 2013 и 2018 гг. мы просили респондентов назвать и проранжировать три наиболее значимых для них статуса. Как выяснилось, важнее всего для жителей Казахстана быть «членом своей семьи», «казахстанцем» и «представителем своего этноса, нации». Дружеские, локальные, профессиональные идентичности оказались гораздо менее значимыми, что, возможно, обусловлено господством рыночного уклада и усилением конкуренции. Последние места в иерархии статусов заняли «религиозный человек, представитель общины, конфессии» и «сосед» (табл. 1).

Языковая идентичность. В силу исторически сложившейся и сохраняющей свою актуальность в наши дни поликультурности казахстанского общества ему свойственно мультиязычие. Согласно опросу 2015 г., 36,1% казахстанцев считают себя русскоязычными,

Таблица 1

**Субъективная значимость общественных и личных статусов
для жителей Казахстана (в % к числу опрошенных)**

Статус	2013	2018
Казахстанец	60,7	73,1
Член семьи	53,3	83,5
Представитель этноса	53,1	41,7
Друг	16,0	26,3
Житель города/поселка	13,0	24,8
Представитель профессии	13,6	9,6
Член коллектива (трудового/учебного)	10,9	10,3
Гражданин мира	10,2	12,6
Религиозный человек, представитель общины	13,0	6,4
Сосед	2,2	10,0

30,5% – тюркоязычными, более четверти (27,7%) – двуязычными, 3,8% – триязычными, менее 2% затруднились с ответом. Наибольшее разнообразие форм языковой идентичности, как и триязычие, чаще всего встречается у представителей иных этнических групп (11,7%), то есть у нерусских и казахов. Двуязычие характерно в первую очередь для казахов – 40,3%. Среди русских и людей иных национальностей оно наблюдается реже – 4,8 и 22,7% соответственно. Русским в подавляющем большинстве свойственна тождественность языковой и этнической идентичностей: 91,4% из них русскоязычны.

Анализ полученных данных в возрастном разрезе позволяет выявить тенденцию к заметному уменьшению доли русскоязычных и возрастание доли тюркоязычных среди казахстанской молодежи по сравнению с более старшими поколениями (табл. 2). Вероятно, это связано с расширением сферы функционирования казахского языка, имеющего статус государственного, в образовании, культуре, профессиональной коммуникации и управлении, а также с ростом численности и удельного веса казахского населения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере по языковым признакам?» в зависимости от возраста, 2015 г. (в % к числу опрошенных)

Языковая идентичность	Возрастная группа			
	18–29 лет	30–45 лет	46–60 лет	61 год и старше
Русскоязычный	28,3	33,1	38,1	54,6
Тюркоязычный	34,2	31,6	27	26,4
Двуязычный	29,6	30,4	30,5	14,1
Триязычный	4,8	4,1	2,6	3,1
Затрудняюсь ответить	3,1	0,8	1,8	1,8

В то же время говорить о доминировании казахского языка во всех или большинстве коммуникационных сфер казахстанского общества пока оснований нет, хотя для большинства казахстанцев он является родным (52,8%). В 2015 г. русский язык продолжал оставаться преимущественным (с большим или меньшим отрывом от казахского) средством профессионального и семейного общения, а также основным языком мышления (языком, на котором человек думает, говорит, пишет) в Казахстане. При этом родным его назвали чуть более трети жителей страны (36,1%). Реальное мультязычие в ситуациях семейного или иного общения встречается в республике нечасто (табл. 3).

Таблица 3

Преимущественный язык общения в различных коммуникационных сферах казахстанского общества, 2015 г. (в % к числу опрошенных)

Язык общения	Родной язык	Язык образования	Язык общения в семье	Язык мышления
Русский	36,1	58,6	43,8	49,4
Казахский	52,8	37,6	40,9	36,5
Несколько языков	3,3	2,3	13,3	12,4
Другой язык народов Казахстана	7,1	1,1	1,7	0,9
Затруднились ответить	0,7	0,4	0,3	0,8

Особенности религиозной идентичности казахстанцев и их отношение к религии.

С 1990-х гг. в Казахстане проводится политика, направленная на обеспечение свободы совести, вероисповедования, духовного обновления, сохранения и укрепления

гражданского мира и межконфессионального согласия. В условиях происходящих в республике процессов деидеологизации общественной жизни и системы образования, религия превратилась в один из наиболее значимых элементов в структуре ментальных предпочтений казахстанцев.

Большинство респондентов положительно оценивает роль религии в современном казахстанском обществе, где она, по их мнению, выполняет ряд важных функций, ранее (в советскую эпоху) закрепленных за светскими институтами – мировоззренческо-ориентационную («помогает обрести смысл жизни»), ценностно-нормативную («предписывает нормы поведения в повседневной жизни»), экзистенциально-психологическую («приносит успокоение», «помогает переносить трудности», «облегчает душевные переживания и боль»), интеграционную («объединяет с единоверцами», «способствует сплочению общества»). Напротив, число тех, кто указывает на дисфункциональность религии («разобщает людей, принадлежащих к разным конфессиям», «воспитывает в людях пассивность», «выступает средством разрушения общества» и т.п.), относительно невелико – менее 17% в 2018 г. (рис. 1).

Несмотря на то что подавляющее большинство населения Казахстана относит себя к верующим (примерно 75–81%), эти данные не следует воспринимать буквально. Доля вовлеченных, то есть состоящих в общине и следующих религиозным нормам, не превышает 12–13%. Основная же масса верующих (около 60%) являются таковыми лишь номинально, поскольку не вовлечены в религиозную жизнь, не участвуют в деятельности религиозных общин, не посещают культовые учреждения и не следуют канонам религиозного образа жизни¹. Еще 8,9%² хоть и называют себя верующими, но при этом не принадлежат к какой-либо определенной религиозной конфессии. По сути, религиозность большинства казахстанцев не простирается дальше уважительного отношения к религии, что косвенно подтверждается данными о том, как они видят религиозное будущее своих детей. Свыше половины жителей республики хотели бы, чтобы их дети уважали религию, но при этом оставались сторонними наблюдателями за религиозной жизнью, а не были бы вовлечены в нее (табл. 4).

Таблица 4

Динамика представлений казахстанцев о желательном религиозном поведении их детей в будущем (в % к числу опрошенных)

Хотели бы вы, чтобы ваши дети...	2013			2016			2018		
	да	нет	з/о*	да	нет	з/о*	да	нет	з/о*
Были верующими, вовлеченными в религиозную жизнь	32,4	54,2	13,2	29,1	50,9	20	28,2	49,4	22,4
Уважали религию, но в то же время были бы сторонними наблюдателями за религиозной жизнью	66,7	19,8	13,5	64	20,6	15,5	51,5	25,4	23,1
Были равнодушны к религии	12,1	71,3	16,6	7,7	68	23,3	9,3	66,4	24,2
Не разделяли религиозные убеждения и образ жизни, были бы атеистами	9,3	66,4	24,2	8,3	65,9	25,8	7,2	64	28,8

Примечание. *з/о – затруднились ответить.

¹ Тот факт, что большинство казахстанцев являются верующими лишь номинально, отчасти объясняет низкую субъективную значимость для них религиозного статуса (см. табл. 1).

² Данные 2018 г.

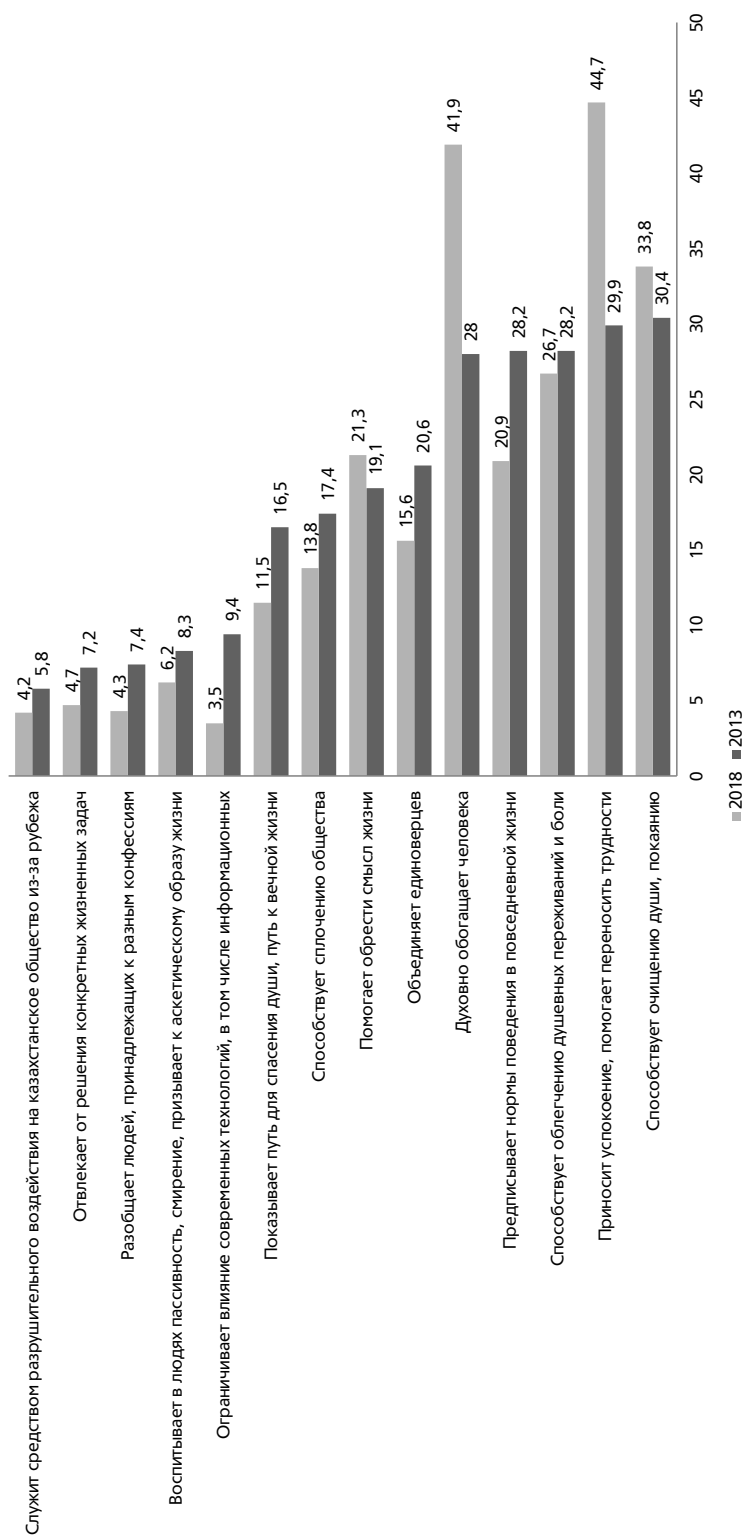

Рис. 1. Функции религии в современном казахстанском обществе (в % к числу опрошенных)

Категория «неверующих» (примерно 16% в 2018 г.) тоже неоднородна. Внутри нее различаются «неверующие, придерживающиеся религиозных обрядов и традиций», «неверующие, но уважающие верующих», «равнодушные к религии» и «неверующие и негативно относящиеся к религии» (рис. 2).

Своеобразная ситуация складывается с приверженцами атеистического мировоззрения, которые предпочитают не выражать свою позицию открыто в условиях господства так называемой моды на религиозность. Тем не менее данные исследований за последние пять лет фиксируют рост числа атеистически настроенных казахстанцев. В 2018 г. таковых оказалось 36%. Примерно 5–11% представителей различных категорий населения не задумываются о религиозности своего мировоззрения и своем отношении к религии.

Сопоставление данных опросов 2014 и 2018 гг. (рис. 2) позволяет сделать вывод о том, что на фоне стабилизации численности верующих доля неверующих имеет тенденцию к увеличению. Одновременно с этим увеличиваются масштабы «бытовой», номинальной и квазирелигиозности, а также растет число тех, кто не может определиться со своим отношением к религии, в частности затрудняется с выбором желательного религиозного поведения своих детей в будущем (табл. 4). Постепенно религиозность казахстанцев, среди которых встречаются и «атеисты, отмечающие религиозные праздники», и «верующие, не верящие в Бога», приобретает все более мозаичный и парадоксальный характер. Присущие ей многообразие, сложность, диффузность, укрытость, поли- и внеконфессиональность свидетельствуют о соответствии внутриказахстанских религиозных процессов общемировым трендам.

Рис. 2. Формы религиозной идентичности казахстанцев (в % к числу опрошенных)

Конфессиональный выбор казахстанцев определяется в первую очередь их этнической принадлежностью. Примерно 4/5 признались, что придерживаются религии своего этноса: 82% казахов считают себя мусульманами, 75,9% русских – православными. По сути, большинством жителей республики религия воспринимается как часть культурного наследия их этнической группы. Религиозные праздники в наши дни практически утратили свой сакральный смысл и превратились в элемент светской жизни. Их отмечают более 90% казахстанцев, в том числе 35% убежденных атеистов, около двух третей равнодушных к религии и более 80% внеконфессиональных верующих.

Религиозная конверсия – мировоззренческая трансформация – еще одна отличительная черта современной религиозности. Доля казахстанцев, изменивших за последние несколько лет свои религиозные взгляды, невелика, но она имеет тенденцию к увеличению:

в 2015 г. таковых было 7%, в 2018 г. – уже 13%. Наиболее часто встречающаяся трансформация – человек стал верующим (8%). Реже наблюдается обратный переход – от веры к атеизму (до 3%), еще реже – смена конфессиональной принадлежности или религиозной общины (до 2%). В то же время большинство жителей республики признались, что их отношение к вере и религии не изменилось, они остались верующими – 62,5%. В эту категорию попали и те, кто причисляет себя к верующим, но не является таковым по существу (номинальные верующие). Еще 13% заявили о своем безразличном отношении к вопросам религиозного самоопределения.

Усложнение религиозной палитры казахстанского общества сопровождается расширением сферы религиозной толерантности и выработкой более терпимого отношения к возможной мировоззренческой трансформации среди представителей ближайшего социального окружения. С 2015 по 2018 г. было зафиксировано снижение доли тех, кто выступает против смены религиозных убеждений своих родных и близких, с 45,8 до 33,5% и увеличение доли тех, кто готов принять подобную мировоззренческую трансформацию, с 27,4 до 38,6%. Вместе с тем усиление процессов религиозной конверсии побуждает одних казахстанцев задумываться о своем отношении к этому феномену, а других повергает в состояние растерянности. Число тех, кому безразлична перемена религиозных убеждений родными, с 2015 по 2018 г. сократилось с 17,3 до 12,7%. И за тот же период стало больше тех, кто не знает, как к такой перемене относиться, – 5,6 и 15,2% соответственно.

Между традиционной и новой религиозностью. Религиозное поле Казахстана является пространством, где сталкиваются не только светское и религиозное мировоззрение, но и различные формы религиозности и религиозные стратегии. В период общественных трансформаций, вызванных распадом СССР и обретением независимости, новые религии и культы оказались востребованными среди казахстанцев. Они «помогали» справиться с возникшей anomie на индивидуальном уровне, то есть взяли на себя выполнение ряда социализирующих и адаптирующих функций. Например, по принципу религиозной принадлежности формировались трудовые коллективы и анклавы (самозанятые в сферах торговли, оказания услуг и т.п.).

В наши дни новые формы религиозности имеют немало сторонников, пользуются мощной поддержкой международных наблюдателей и экспертов внутри страны и даже претендуют на статус традиционных в казахстанской социокультурной среде. Они проводят активную прозелитическую политику, стремясь к еще большему распространению своих учений и увеличению числа последователей. В то же время среди рядовых казахстанцев наблюдается усиление негативного отношения к подобным религиозным организациям и институтам. В массовом сознании присутствует четкое разделение религий и верований на традиционные и новые, и если влияние первых жители республики склонны оценивать преимущественно положительно, то влияние вторых, напротив, скорее отрицательно (табл. 5).

Таблица 5

Оценка влияния традиционных и новых религий на казахстанское общество
(в % к числу опрошенных)

Характер влияния	2014	2018
<i>Традиционные религии</i>		
Значительное положительное влияние	28,7	53,1
Неэффективное влияние	16	9,9
Незначительное и скорее негативное влияние	5	1,3
<i>Новые религии</i>		
Значительное положительное влияние	11,7	6
Незначительное положительное влияние	13,4	8,3
Незначительное и скорее негативное влияние	15,7	19,4
Значительное негативное влияние	14,6	22,3

Казахстанское государство в проекции религиозности/светскости. В ходе опроса 2018 г. жителям республики задавался вопрос относительно статуса государства, определяемого исходя из доминирующих в нем конфессий. Большинство склонно считать Казахстан мультиконфессиональной страной (76,6%), однако готовых отнести его к странам исламского мира тоже оказалось немало – 50,4% (табл. 6).

Таблица 6

Религиозный статус государства Республика Казахстан
(в % к числу опрошенных по строкам*)

Статус	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Казахстан является многоконфессиональной страной	76,6	12,6	10,9
Казахстан является страной двух основных религий – ислама и православия	67,1	18,8	14,1
Казахстан в силу демографического большинства мусульман можно отнести к странам исламского мира	50,4	33,6	16

Примечание. *Респондентам предлагалось выразить свое согласие или несогласие по каждому из трех суждений отдельно.

На протяжении последних двух десятилетий в республике наблюдается рост числа тех, кто желал бы видеть Казахстан религиозным государством: 4,1% – в 2000 г., 7,8% – в 2005 г., 13,6% – в 2014 г. В 2018 г. доля несогласных со светским статусом казахстанского государства составила уже 21,6%. И хотя сторонников светской государственности в стране по-прежнему большинство – 78,4%, приведенные данные свидетельствуют об усилении влияния религиозной идеологии и пусть медленное, но все же укоренение ее в массовом сознании.

В отличие от рядовых жителей эксперты не спешат связывать будущее казахстанской государственности с религиозным статусом. Лишь один из них косвенно высказался за превращение Казахстана в религиозную страну, ссылаясь на соответствующий образ республики в международном пространстве: «...имидж у Казахстана как государства сформирован религиозный, за рубежом нас считают религиозной страной». Остальные эксперты отдали предпочтение светской модели, основанной на принципах разностороннего межконфессионального диалога и веротерпимости, сочтя ее более подходящей для перспективного и успешного развития страны. По их оценкам, история Казахстана не знала периодов доминирования религиозного мировоззрения, и потому свобода духа и действий в народах, населяющих его территорию, сильнее религиозности.

Заключение. Казахстанскому обществу свойственны полиэтничность и многоконфессиональность, а также сегментация идентичностей и социальных представлений в зависимости от возрастной и этнической принадлежности. Последнее, как показали данные исследований, оказывает существенное влияние на выбор конфессии и преимущественного языка общения.

Другой особенностью казахстанского общества является противоречивость и изменчивость идентичностей его членов. Наиболее ярко это проявляется в сфере религиозных или, если говорить более широко, мировоззренческих представлений, образующих в своей совокупности сложную и подвижную мозаичную картину с множеством полутонов и оттенков.

Специфика и характер протекания идентификационных процессов в Казахстане, свойственная им многомерность, разнонаправленность, динамичность требуют взвешенных политических решений и ответственности при выборе модели общественного развития. И одной из таких моделей, способных обеспечить межэтническую и межконфессиональную консолидацию казахстанского общества, его стабильное, устойчивое существование, является та, которую можно обозначить как *единство в многообразии*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности. Алматы: Изд-во Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2011.
- Казахстанский путь – 2050. Экономика Казахстана в XXI веке. Коллективная монография / Под ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2014.
- Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы: Изд-во Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014.
- Содержание и мобилизующий потенциал общенациональной идеи. Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию доктора философских наук, профессора А.Г. Косиченко. Алматы: Изд-во Института философии и политологии КН МОН РК, 2008.
- Шайкемелев М.С. Казахская идентичность. Алматы: Изд-во Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013.
- Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю. Идеологическое конструирование в Республике Казахстан: веки эволюции и траектории развития в контексте стратегии «Казахстан – 2050». Алматы: Изд-во Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013.

Статья поступила: 20.02.19. Финальная версия: 15.04.19. Принята к публикации: 13.05.19.

SPECIAL ASPECTS OF KAZAKHSTANIS' IDENTITY IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL SOCIETY

NYSANBAYEV A.N.*, BUROVA Y.Y.*, SAILAUBEKKYZY A.*

**Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan*

Abdumalik N. NYSANBAYEV – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Philos.), Advisor to the Director, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Yelena Y. BUROVA – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher of the same Institute (bee1958@bk.ru); Aliya SAILAUBEKKYZY – Research Fellow of the same Institute; PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (kzsaia@gmail.com). All – Almaty, Kazakhstan.

Acknowledgements. The article was supported by KN MES RK, project No. AP05131998.

Abstract. With the independence of Kazakhstan (1991), the Republic of Kazakhstan entered a period of transformation in all spheres of life. The transition to a mixed economy, the democratization of the political system, the emergence of a market society, world view pluralism and other factors had a decisive influence on the qualitative change in the social structure, migration processes and employment.

The redefinition of the vectors of state development coincided with the search for identification strategies of Kazakhstani people. Over the years of sovereign development, a new generation of citizens has grown and entered into an independent life. Despite the fact that Kazakhstan is still a multicultural and multiethnic society, the majority of citizens share common value paradigms, in mentality (consciousness and behavior, belief and purposefulness) manifest discrepancies and fixed binary dispositions on «sensitive» issues. According to experts, some of these issues can cause increased risk of disintegrating of the society.

Based on the formation and development of national sociology, the possibility of interpreting the socio-cultural landscape of Kazakh life has opened up. Research has fixed the state and dynamics of trends in civil, linguistic, religious identity, which occur at different stages of independent development.

State policy and practice of influencing the formation of identity in conditions of sovereignty exhibit a high degree of complexity of the process, requires dynamism, competent decisions making, taking into account many factors to exclude social risks in the implemented state policy.

Designing effective social and political management technologies is possible only through the identification of trends, the detection of specificity, the analysis of the general and the particular in the modern mentality of various groups of socially heterogeneous Kazakhstani society.

It is important to keep in mind that modern Kazakhstan, due to its resource, cultural, territorial and other features, is located in the area of intersection of various global interests. The trends of globalization show that modern Kazakhstan cannot avoid the influences connected and contributing to the loss of traditional (historically established in the culture) identity.

Keywords: Kazakhstan identity, Kazakhstan nation, language identity, religious identity, religiosity, secularism.

REFERENCES

- Content and Mobilizing Potential of a Nationwide Idea.* (2008) Proceedings of the Republican Scientific-theoretical Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Doctor of Philosophy, Professor A.G. Kosichenko. Almaty: Institut filosofii, politologii i Religievedeniya KN MON RK. (In Russ.)
- Kazakhstan in a Global World: Challenges and Preservation of Identity.* (2011) Almaty: Institut filosofii, politologii i Religievedeniya KN MON RK. (In Russ.)
- Kadyrzhanov R.K. (2014) *Ethnocultural Symbolism and National Identity of Kazakhstan.* Almaty: Institut filosofii, politologii i Religievedeniya KN MON RK. (In Russ.)
- Shaykemelev M.S. (2013) *Kazakh Identity.* Almaty: Institut filosofii, politologii i Religievedeniya KN MON RK. (In Russ.)
- Shaukenova Z.K., Dunaev V.Yu. (2013) *Ideological Design in the Republic of Kazakhstan: Milestones of Evolution and Development Trajectories in the Context of the Strategy «Kazakhstan – 2050».* Almaty: Institut filosofii, politologii i Religievedeniya KN MON RK. (In Russ.)
- Sultanov B.K. (ed.) (2014) *Kazakhstan Pathway – 2050. Kazakhstan's Economy in the XXI Century.* Collective monograph. Almaty: KISI pri Prezidente RK. (In Russ.)

Received: 20.02.19. Final version: 15.04.19. Accepted: 13.05.19.